

Хурер

«Чужие Лабиринты»

18+

Healer Хилер

Хилер «Чужие Лабиринты»

<https://litres.ru/74043316>

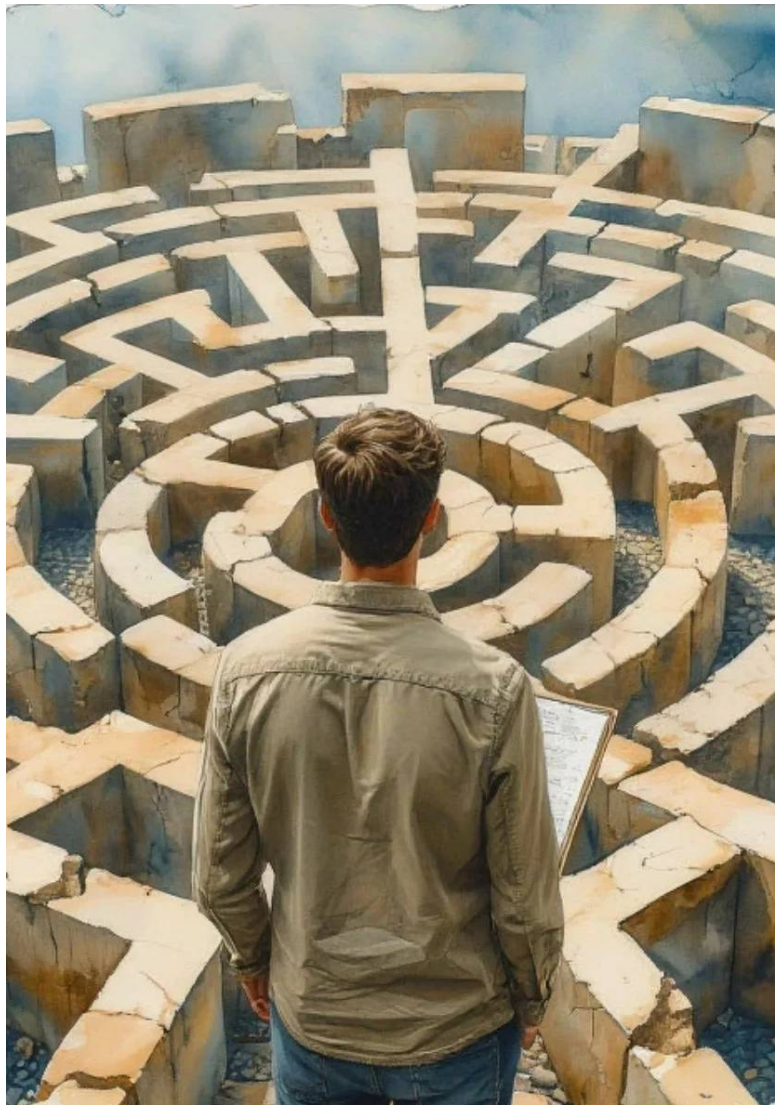
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — не просто сборник историй. Это Чайная, куда приходят запутавшиеся души. Каждая глава — отдельный лабиринт, из которого герои находят выход. Кузнец, забывший, как держать молот. Женщина, боящаяся тишины. Парень, прячущийся в образах. Алхимик не лечит и не учит. Он просто заваривает чай, задаёт вопросы и остаётся рядом, пока человек вспоминает, кто он на самом деле. Эта книга — зеркало. Вы можете узнать себя в одной из историй. А можете просто выдохнуть и позволить себе быть.

Healer Ivan Хилер

Хилер «Чужие Лабиринты»

Хилер

«Чужие Лабиринты»

Оглавление

От автора 2

Пролог 4

Глава 1. Прощение Кузнеца 9

Глава 2. Рынок Страхов 23

Глава 3. Тот, кто носит шляпу 44

Глава 4. Зеркальный Чертог 52

Глава 5. Сад Дурманящих Роз 74

Healer Ivan

Хилер «Чужие Лабиринты»

От автора

Ты держишь в руках не просто книгу. Ты держишь ключ.
Не от двери. От себя.

Я написал эти истории не для того, чтобы развлечь тебя.
Я написал их, чтобы ты узнал себя. Не всего. Возможно, ка-

кую-то одну часть. Ту, которую ты давно спрятал. Ту, о которой забыл. Ту, которую боишься показать даже самому себе.

Здесь нет случайных слов. Каждая глава — это лабиринт. Чужой лабиринт. Но странное дело: бродя по чужим лабиринтам, иногда находишь выход из своего. Не потому что я такой умный. А потому что так устроена душа. Она узнаёт себя в отражениях.

Ты можешь читать эту книгу в любом порядке. Хоть с конца. Хоть с середины. Она не диктует правил. Она просто ждёт. Когда ты будешь готов. Когда ты выдохнешь. Когда ты перестанешь искать ответы снаружи и начнёшь слушать, что происходит внутри.

Я не знаю, что именно ты здесь найдёшь. Может быть, покой. Может быть, вопрос, на который давно не мог решиться. Может быть, просто тишину. Это не важно. Важно, что ты уже здесь. Ты уже открыл эту страницу. Ты уже сделал шаг.

Всё остальное — произойдёт. Не сразу. Но произойдёт.

Добро пожаловать в Чайную. Присаживайся. Чай уже заварился.

С уважением и светом,

Healer Ivan

Пролог

Я шёл сквозь сумерки города.

Был тихий вечер. Огни витрин расплывались в мороси дождя. Шаги отдавались эхом от мокрых стен. Я шёл не просто так — меня позвали. Час назад в мой телефон поступало сообщение. Короткое. Отчаянное. «Ты можешь помочь? Я запутался. Совсем». Я прочитал его дважды. Потом написал в ответ всего два слова: «Я иду».

И вышел в ночь.

Я не знал, кто этот человек. Не знал, как выглядит. Но я чувствовал его. Зов чужой боли — он как тихий звон где-то под сердцем. Его не спутаешь ни с чем. Где-то там, в лабиринте улиц, меня ждал клубок. Не мой. Чужой. Запутанный так, что человек уже забыл, с чего всё начиналось. Моя задача — найти кончик нити. Потянуть. Распутать. Или перерезать, если по-другому никак.

Я ускорил шаг. Свернул в переулок. Узкий, тёмный, пахнущий мокрой штукатуркой и старыми листьями. Мысли о предстоящей работе начали собираться в узор. Я не строил

планов — я просто настраивался, как настраивают инструмент перед игрой.

И тут меня схватили за позвоночник...

Не снаружи — изнутри. Будто кто-то невидимый запустил когти прямо в основание черепа и рванул вниз. Я закричал, но звук застрял в горле. Позвоночник выгнулся дугой. Каждый позвонок вспыхнул болью — один за другим, как гирлянда, которую подожгли. Меня разрывало изнутри. Кости, мышцы, связки — всё пересобиралось заново. Я чувствовал, как моё тело предаёт свою прежнюю форму. Как оно скручивается, ломается, переплавляется в нечто иное.

Перед глазами поплыло. Асфальт под ногами задрожал. Темнота ударила в голову, как прибой. А потом всё стихло.

Я стоял на деревянном полу. Воздух был тёплым, пряным, густым. Пахло чаем. Настоящим. Древним. Так пахнут легенды.

Руки дрожали. Я поднёс их к лицу — на них были старые шрамы, которых не было секунду назад. Одежда изменилась. Тёмные, свободные ткани. Я был другим. Но не чужим. Знакомым. Как будто я всегда был им, просто забыл.

Я огляделся. Деревянные балки под потолком, тусклый свет масляных ламп, полки, уходящие в темноту. На них — сотни сосудов: глиняные горшочки, стеклянные колбы, фарфоровые банки. В центре — низкий стол. Две подушки. Чайник, две пиалы. Всё готово.

Я — Алхимик. Тот, кто встречает путников.

Телефон исчез. В этом мире для него не было места. Здесь другое время. Другие законы. Другие метафоры. Здесь боль пахнет иначе. Здесь страх имеет вкус. А запутанные души приходят не с сообщениями — они просто находят эту дверь. Или дверь находит их.

Я сделал глубокий вдох. Новый мир. Новая охота. Новый лабиринт.

Глава 1. Прощение Кузнеца

Дверь скрипнула.

Вошёл мужчина. Лет пятидесяти. Крепкий, широкоплечий. Одет в простую, но добротную одежду — такие носят ремесленники. Руки большие, в мозолях и старых шрамах. Он не суетился, не оглядывался по сторонам. Прошёл к столу и сел напротив — тяжело, основательно, как садятся лю-

ди, привыкшие к физической работе.

— Мне нужен сбор, — сказал он ровным, низким голосом. — Для суставов. Руки болят. Спина. По утрам еле встаю.

Я не шелохнулся. Смотрел на него. От него пахло железом. Горячим, только что из горна. И ещё — старым деревом. Так пахнут рукояти инструментов, которые держали десятилетиями.

— Для суставов у меня есть сабельник, окопник, ивовая кора, — сказал я. — Но вам это не поможет.

Он поднял бровь. Медленно. Спокойно.

— Это почему?

— Потому что ваши руки болят не от работы. Они болят от того, что вы ими не делаете то, что должны.

Пауза. Он смотрел на меня. В его глазах что-то дрогнуло.

— Ты кто такой? — спросил он тихо.

— Тот, кто видит, когда человек носит чужую жизнь. Вы

кузнец?

— Был. Давно. Сейчас... торгую.

— И руки болят сильнее, когда вы торгуете, чем когда ковали.

Он опустил взгляд на свои ладони. Огромные. Сильные. Сжал их в кулаки и разжал.

— Я не ковал уже десять лет, — сказал он. — С тех пор, как... — он осёкся.

— С тех пор, как что?

— С тех пор, как умер мой сын.

В Чайной стало тихо. Даже чайник перестал петь.

— Он болел, — продолжил мужчина. — Долго. Я работал день и ночь. Ковал. Продавал. Думал, заработаю на лекарства. Не успел. И с тех пор... не могу взять молот в руки. Не имею права.

— Почему?

— Потому что я не смог его спасти. Потому что моё ремесло не помогло. Потому что я предал его, занявшись железом вместо того, чтобы быть рядом. Я не достоин больше ковать.

Я налил чай. Тёмный. Густой. С нотой дыма и горького корня.

— Пейте, — сказал я. — Мы пойдём туда, где лежит ваш молот.

— Я не возьму его.

— А я и не прошу брать. Просто посмотрим. Пейте.

Он выпил. Я выпил.

Мир рухнул. Но не рассыпался осколками, не утонул в воде. Он стал железом. Тяжёлым. Ржавым. Горячим.

Меня вдавило в пол — невидимая тяжесть легла на плечи, на грудь, на каждый мускул. Я не мог вдохнуть. В ушах стоял звон — не колокольный, а тот, что бывает после долгойковки, когда молот бьёт по наковальне. Тысячи ударов. Тысячи раз. Без остановки.

Перед глазамиплыли оранжевые круги. Я чувствовал запах окалины, горелого металла и пота. Мышцы сводило судорогой. Каждая клетка орала: «Хватит! Перестань! Я не могу больше!»

А потом всё стихло.

Я стоял в кузнице. Огромной. Пустой. Горн был холодным. Меха не дышали. Инструменты висели на стенах, покрытые паутиной. Наковальня — массивная, чёрная, в трещинах — стояла в центре. И на ней лежал молот. Огромный, боевой, с рукоятью, обмотанной вытертой кожей. Он был покрыт пылью, но даже сквозь пыль было видно — этот молот не для гвоздей. Для битвы.

Кузнец стоял рядом. Он смотрел на молот. Его лицо было серым.

— Это он? — спросил я.

— Да. Мой молот. Я не прикасался к нему десять лет. Я думал, он остыл. Но он всё ещё горячий.

— Это ваш лабиринт. Что вы видите?

— Стены, — сказал он. — Везде стены. Они... из всего,

что я не сделал. Из всех ударов, которые я не нанёс. Из всех слов, которые я не сказал сыну.

И тут стены зашевелились. Из них вышли фигуры. Не тени — отпечатки. Как будто кто-то вдавил людей в горячий металл. Я узнал женщину — жену. Детей — тех, что ещё живы. И мальчика. Худого, с большими глазами. Сына.

Они смотрели на кузнеца. Не с укором. С ожиданием.

— Папа, — сказал мальчик. — Почему ты перестал ковать?

— Я не смог тебя спасти, — прошептал кузнец. — Моё железо тебя не защитило.

— Твоё железо было не для того, чтобы защищать, — ответил мальчик. — Оно было для того, чтобы учить. Ты учил меня, что металл становится крепче после огня. А ты сам... ты забыл это. Ты бросил свой горн. Ты бросил себя.

Кузнец упал на колени. Его плечи затряслись. Я видел, как тяжесть — та самая, что давила на него десять лет — начала трескаться.

— Я не знаю, как вернуться, — сказал он. — Я забыл, как

держать молот.

— А ты попробуй, — сказал я. — Не для них. Для себя.

Он поднялся. Медленно. Тяжело. Подошёл к наковальне. Протянул руку. Пальцы дрожали. Коснулись рукояти. И сжались.

В тот же миг горн вспыхнул. Сам. Без мехов. Без угля. Просто пламя, яркое, белое, живое. Кузница ожила.

Кузнец взял молот. Поднял его. Ударил по наковальне. Раз. Второй. Третий. С каждым ударом стены лабиринта трескались. Отпечатки людей — жена, дети — начали светиться. Они не исчезали. Они улыбались.

Мальчик подошёл к отцу. Тот остановился, тяжело дыша.

— Я горжусь тобой, папа, — сказал мальчик. — Ты снова куёшь.

И растаял. Не умер. Не ушёл. Просто перестал быть тенью. Стал светом.

А на наковальне, под молотом, лежало Яйцо. Чёрное. С золотыми трещинами. Как металл, прошедший через огонь.

— Твой дар, — сказал я. — Ты не потерял сына. Ты потерял себя. А теперь нашёл.

Кузнец взял Яйцо в ладони. Оно было тёплым.

— Я хочу ковать, — сказал он. — Не для денег. Для себя. Для тех, кто придёт.

— Тогда идём обратно.

Огонь охватил меня целиком — но не жёг. Грел. Я чувствовал, как пламя проходит сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости, выжигая чужую боль и оставляя только свой собственный свет. Кузница исчезла в белой вспышке.

Я сидел за столом в Чайной. Напротив — кузнец. Его руки больше не дрожали. Он смотрел на свои ладони.

— Они не болят, — сказал он. — Впервые за десять лет.

— Потому что вы взяли молот.

— Я хочу открыть кузницу. Небольшую. Для себя. Может, учеников наберу.

— Хорошее дело. Идите.

Он встал. У двери обернулся.

— Я думал, что иду за сбором от боли в суставах.

— А нашли лекарство от боли в душе. Бывает.

Он кивнул. И ушёл.

Минута тишины

Я остался один.

Взял свиток. Обмакнул кисть в тушь. И записал:

«**Трофей №1.** Горн, погасший от вины, зажигается прощением. Не чужим — своим собственным. Металл становится крепче после огня. Человек — тоже».

Свиток лёг на полку. Теперь у меня было на один опыт больше.

Я налил чая. И стал ждать следующего.

Глава 2. Рынок Страхов

Дверь распахнулась резко, с грохотом.

В Чайную ворвалась женщина. Лет сорока. Яркая, как попугай: красное платье, золотые серьги, волосы уложены в высокую причёску. Она двигалась стремительно, говорила громко, заполняла собой всё пространство. От неё пахло духами — слишком сладкими, слишком навязчивыми. Так пахнут те, кто пытается заглушить что-то внутри.

— Мне нужен чай! — объявила она с порога. — Самый лучший! Для спокойствия! Я заплачú сколько скажете!

Я не шелохнулся. Смотрел на неё. Сквозь шум её голоса, сквозь яркость наряда, сквозь сладкий запах духов я чувствовал другое. Кислый, резкий запах. Так пахнет страх.

— Для спокойствия у меня есть сбор на основе синюхи и вереска, — сказал я. — Только это не ваш случай.

Она замерла. Впервые за минуту замолчала.

— Это почему ещё?

Я не ответил. Вместо этого поднялся, подошёл к полкам. Провёл пальцами по рядам склянок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.